

**Раздел VI:
Начало «Шторма»
и объекты второго плана**



Мы – военной разведки спецназ

Мы – военной разведки спецназ,
Купола мы расправим над целью
И наполним свинцовой метелью,
Громом взрывов казённый приказ.

Мы – военной разведки спецназ,
Жалость мы навсегда позабыли,
А грехи нам вперёд отпустили,
Хоть и прокляты мы сотню раз.

Мы – военной разведки спецназ,
Это наша мужская работа,
Это псовая злая охота
Егерей, догоняющих нас.

Мы – военной разведки спецназ,
Мы – матёрые вольные волки:
Не помогут флажки и двустволки,
Нам ведь дьявол и тот не указ.

Мы – военной разведки спецназ,
Насмотрелись смертей мы и крови
И не верим дорожной подкове,
И не любим напыщенных фраз.

Мы – военной разведки спецназ,
За Россию свою мы в ответе:
Помолитесь-ка, сукины дети, –
Пробил времени судного час.

*Москва,
1999 год*

Несомненно, центральным событием осуществления государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года стал штурм Тадж-Бека. Однако думается, что лучше подойти к пониманию многих фактических обстоятельств этой боевой (специальной) операции через анализ задач, выполнявшихся параллельно с ней. К сожалению, в общественном мнении прочно устоялось такое видение прошлого, когда всё происходившее вокруг дворца Х. Амина заслонило собой другие, не менее важные события этой широкомасштабной драматической постановки. Поэтому взятие под советский контроль афганского генерального штаба, управления центрального армейского корпуса, кабульского радио и телецентра, штаба ВВС и ПВО, здания министерства внутренних дел ДРА и ряда других государственных объектов превратилось как бы в события второго плана. Соответственно и участники этих «частных операций» со временем стали восприниматься в качестве действующих лиц второго плана или второстепенных действующих лиц. Но так ли это было на самом деле? Если попытаться коротко ответить на этот вопрос, то следует сказать, что дело обстояло не совсем так. Точнее, совсем не так...

1. Несколько слов об объектах «второго плана»

В спецоперации такого масштаба, что проходила в Кабуле в декабре теперь уже далёкого 1979 года, мелочей не было. Все ставившиеся в ходе её задачи были взаимосвязаны и направлены на достижение общей цели. И в этой связи можно утверждать, что, если бы бойцами «Зенита» не были осуществлены диверсии на линиях кабульской связи, то вряд ли стало бы возможным осуществление государственного переворота в ДРА и штурма дворца Х. Амина, по большому счёту, «малой кровью». Если бы не было «нейтрализовано» руководство генерального штаба вооружённых сил ДРА, то вряд ли бы вне событий остались части и соединения афганской армии, в том числе и кабульского гарнизона. Если бы не удалось взять под контроль центральные

офисы министерства внутренних дел ДРА, а также службы государственной безопасности (КАМ), вряд ли бы удалось в основном «вывести из игры» афганские силы правопорядка и госбезопасности. И так далее...

Исходя из этих соображений, называть второстепенными объекты, которые параллельно со штурмом дворца Х. Амина были захвачены (уничтожены, нейтрализованы, взяты под контроль и т.д.) в Кабуле, не совсем правильно. Тем не менее для удобства изложения материала будем именовать их таковыми. При этом ещё раз подчеркнём, что всё-таки центральное место и главная цель осуществления государственного переворота в Афганистане находились в Тадж-Беке. Но, только успешно решив эти частные (второстепенные) задачи по объектам второго плана, можно было надеяться на общий успех всего предприятия, и никак не наоборот.

Несколько ранее уже речь была о том, что в ряде «зенитовских» («вымпеловских») изданий приводятся, мягко говоря, не совсем корректные суждения такого порядка: «Задача «мусульманского» батальона состояла в том, чтобы завязать бой на подступах ко дворцу. Захват дворца и других объектов предполагалось осуществить силами «Зенита» и «Грома» (Группа «А»)»¹. Думается, что уже было представлено достаточно доказательств, чтобы убедить читателя в несостоятельности подобного рода заявлений. Так, в частности, на примере анализа ситуации, складывавшейся вокруг штурма Тадж-Бека, было показано, что выполнение данной конкретной задачи без участия в её решении 154-го ооСпН ГРУ Генштаба было невозможно. Однако, возвращаясь к процитированному несколько ранее высказыванию офицера госбезопасности В.В. Федоренко относительно роли «мусульманского» батальона в событиях 27 декабря 1979 года, зададим вопрос: зачем нужно было спецназовцам ГРУ «завязывать бой на подступах к дворцу»? Какой, с военной точки зрения, тактический или иной смысл могло иметь бы это действие?..

Ответ в данном случае найти трудно. И совершенно другое дело, когда для нас становится очевидным иное боевое предназначение основных сил 154-го ооСпН и приданных ему подразделений ВДВ. А оно состояло, в частности, в том,

1 «Русские коммандос». – 1999, №1. С. 42.

чтобы «нейтрализовать», а при необходимости подавить и уничтожить афганские силы охраны и обороны Тадж-Бека, которые насчитывали в своих рядах порядка двух с половиной тысяч хорошо вооружённых, экипированных и подготовленных бойцов.

Нечто подобное можно сказать и в отношении захвата других важных политических, государственных и военных объектов, избранных в Кабуле для «воздействия». Ведь осуществлять именно *захват* (*курсив. — В.К*) этих объектов имело смысл только тогда, когда существовала возможность их удержания, подконтрольности или нейтрализации. Выполнить эту задачу исключительно силами бойцов спецотряда КГБ СССР «Зенит» было просто-напросто невозможно. Поэтому также некорректным следует полагать использование некоторыми авторами в отношении принимавших в этих событиях подразделений воздушно-десантных войск терминов типа «рота поддержки».

Ведь «поддерживающие», находясь в подчинении своего штатного командования, во-первых, выполняют только отдельные, обычно второстепенные задачи в интересах того, кого они поддерживают. Во-вторых, они, как правило, нацелены на выполнение другой задачи, хотя в данном конкретном случае участие подразделений ВДВ в воздействии на объекты второго плана государственного переворота было их основной (главной) целью. И, в-третьих, «поддерживающие» находятся в довольно-таки относительном подчинении войскового начальника, которого им приказано поддерживать.

Об этом уже шла речь несколько ранее. Исходя из данных реалий, некоторые заявления ряда офицеров бывшего КГБ СССР выглядят просто несуразными. В этой связи давайте хотя бы зададимся вопросом о справедливости утверждения, что в «поддержку» порядка десяти бойцов госбезопасности из отряда «Зенит» были выделены парашютно-десантный батальон и артиллерийский дивизион САУ для... осуществления захвата тюрьмы Пули-Чархи, ведь сам этот объект, построенный как замок-крепость по проекту немецких специалистов, где содержались особо опасные для режима политические заключённые, охранялся с особой тщательностью?..

Разумеется, нет: именно эти подразделения десантников и осуществляли захват и последующую охрану данной тюрьмы. В свою очередь «зенитовцы» в общих рамках этого действия выполняли прежде всего свои специфические оперативные функции. Говорить, что десяток суперменов могли захватить и удержать данный объект («правда, для этого их нужно было немножко п о д д е р ж а т ь...»), – это несерьёзно. И другое дело, если, к примеру, сказать, что старшим (по служебному положению, воинскому званию, возрасту и т.д.) на том или ином объекте воздействия был офицер госбезопасности. Тогда всё становится на свои места.

Тем не менее и «зенитовское» самодетельное песенное творчество рисует нам такую картину событий, происходивших 27 декабря 1979 года вокруг «захвата» тюрьмы Пули-Чархи...

Командир наш появился с озабоченным лицом,
И с прискорбьем объявил нам, хоть держался молодцом:
*«Брать мы будем в чистом поле — отказаться не с руки
То ли Пули, то ли Поли, знаю точно, что Чархи.*

Хоть в «буржуйке» дров уж нету, жарко в споре молодцам:
Как же взять нам крепость эту, спорим мы и тут, и там.
Голоса вскипают в споре — ох, дебаты нележки
В этой Пули, в этой Поли, в этой крепости Чархи.

Наконец, нашли решение, все расселись по местам,
И теперь уже не в споре будет жарко молодцам.
Понеслись, готовы к бою — ох, и стенки велики
В этой Пули, в этой Поли, в этой долбаной Чархи.

Вот уже ворота близко: засверкали огоньки.
*Нам навстречу САУ мчится, в ней сидят лишь дураки.
Скрежет, грохот, крики боли — встречи с САУ нележки
В этой Пули, в этой Поли, в этой долбаной Чархи.*

*Мы в ворота залетели и задумчиво стоим.
САУ же из пушек лунят по чужим и по своим.*
А того, кто план подсунил, мы подняли на штыки
Прямо в Пули, прямо в Поли, прямо в долбаной Чархи.

Ни огня, ни зги не видно, только стены велики.
Нам с Алёшкой обидно — все работают, а мы...
А Валера в это время — в вертикальные силки.
Прямо в Пули, прямо в Поли, прямо в долбаной Чархи.

Наконец, нашли *Валеру*: смотрим, прямо под окном,
БМД и очень пахнет развороченным говн...
А ребятам не до смеху: захлебнуться ведь могли
В этой Пули, в этой Поли, в этой долбаной Чархи.

Вот немножко оклемались, оторвались от земли,
Пулемёты захватили и нафаров замели.
Выпускаем всех на волю — казематы велики
В этой Пули, в этой Поли, в этой долбаной Чархи...

Очевидно, читатель заметил, что курсивом в тесте песни выделены те фактические обстоятельства, которые могут иметь отношение к тем или иным конкретным событиям, связанным с освобождением политических заключённых из тюрьмы Пули-Чархи. В последних строках этой песни говорится о поцелуях «кучи тёток из семейства Тараки», о коменданте Азизе, крепостной жизни в тюрьме Пули-Чархи и «собачьем» холоде». Из чего, очевидно, следует, что некоторым офицерам «Зенита» пришлось потрудиться здесь уже после захвата крепости и освобождения её политических узников. И это вполне объяснимо, ведь новый афганский режим сразу после совершения государственного переворота в ДРА пополнил камеры Пули-Чархи новыми заключёнными. Теми, кто ещё недавно определял, кого в Афганистане следует казнить, а кого миловать. По этой же причине здесь оказалась и дочь Хафизуллы Амина, раненная во время штурма Тадж-Бека, другая его родня, принадлежность к которой прежде в ДРА давала право на занятие высокого положения.

С этого времени Афганистан начинал жить по несколько изменённым и подкорректированным со стороны его северного соседа правилам игры. Впрочем, в арсенале любого афганского руководства всегда были жестокость, коварство и кровная месть. И творились они при полном отсутствии милосердия к поверженному противнику.

Что же касается конкретных событий захвата этого объекта государственного переворота в ДРА 27 декабря 1979 года, то А.В. Кукушкин по этому поводу утверждал следующее: «Тюрьма Пули-Чархи захватывалась силами парашютно-десантного батальона и самоходно-артиллерийского дивизиона. Задача осложнялась тем, что рядом стояли две танковые бригады, верные Амину. Прежде чем приступить к захвату тюрьмы, надо было их надёжно блокировать. Однако затягивать было нельзя: политические заключённые могли быть уничтожены до их освобождения. Десантники успешно справились и с этой задачей. Экипажи танков блокировали в казармах, они оказались отрезанными от боксов с машинами. Любая попытка прорваться пресекалась огнём из пулемётов. Штурм начался с выстрела пушки БМП (очевидно, всё-таки орудия БМД. – *Примеч. В.К.*) и пролома ворот таранным ударом самоходки. Десантники ворвались на территорию тюрьмы и за полчаса обезоружили всю охрану. Найти и освободить политических заключённых было делом *офицеров КГБ (курсив. – В.К.)* и их афганских помощников»¹.

В этой связи также заметим, что, как это становится ясно из анализа некоторых публикаций, в отдельных случаях при захвате объектов второго плана офицеры спецотряда КГБ «Зенит» действовали лишь в качестве... проводников для командиров советских подразделений воздушно-десантных войск и не более того. Ведь значительная масса офицеров младшего и среднего звена той же 103-й гв. ввд в силу известных причин недостаточно чётко ориентировались в местах дислокации блокируемых ими частей кабульского гарнизона. Однако из этого вовсе не следует, что тем или иным бойцам «Зенита» выделялись в «поддержку» или тем более «придавались» целые роты, батальоны или полки советских воздушно-десантных войск. Утверждать подобное – значит сознательно исказить очевидное.

И ещё одно размышление в этой связи. К действиям ряда советских групп и отрядов захвата (дворец Тадж-Бек, генеральный штаб ВС ДРА, кабульский радиотелецентр, центральный офис МВД ДРА и т.д.) были привлечены

¹ Кукушкин А.В. Как был взят Кабул. – «Военно-исторический журнал». 1995, № 6.

оппозиционные лидеры НДПА. В некоторых «зенитовских» («вымпеловских») изданиях их также именуют «приданными» спецгруппам. Но, очевидно, сами «товарищи» А. Сарвари, А. Вакиль, С.М. Ватанджар, С.М. Гулябзой, Н.А. Нур и их сподвижники так не считали, а наоборот полагали бойцов советских спецподразделений, десантников и военных советников «приданными» им для свершения «нового этапа Саурской революции». К тому же такое положение дел вполне соответствовало официальной версии осуществления государственного переворота силами внутренней оппозиции или «здоровыми афганскими патриотическими силами». Но так ли это было на самом деле?.. Ответ, думается, очевиден.

В комитетских публикациях бойцы спецотряда КГБ «Зенит» однозначно именуются разведчиками-диверсантами и. И это правильно по ряду причин. Во-первых, потому что офицеры этого отряда госбезопасности прошли соответствующую подготовку в «школе диверсантов», то есть КУОС при Высшей школе КГБ СССР. Во-вторых, потому что в силу своего боевого предназначения они состояли в специальном резерве внешней разведки Комитета государственной безопасности. В-третьих, потому что в основном такого рода задачи выдвигались изначально перед самим отрядом «Зенит» в Афганистане.

Однако обнаруживается любопытная картина, если мы зададимся вопросом, сколько и какие конкретные чисто *диверсионные* задачи были исполнены «зенитовцами» во время событий 27 декабря в Кабуле? На поверку оказывается, что чисто диверсионных мероприятий офицерами отряда «Зенит» было осуществлено только два, а именно – подрыв минно-взрывных устройств на двух коммуникационных линиях связи афганской столицы.

Здесь действовали только «зенитовцы» с привлечением некоторых других офицеров КГБ СССР (например, переводчиков), но без участия советских десантников и военных советников. В свою очередь на других объектах воздействия число бойцов «Зенита» и «Грома» было в несколько раз меньшим по отношению к другим участникам событий, то есть в сравнении с количеством задействованных здесь десантников и советников. В этой связи вдвойне некорректными представляются утверждения, что бойцы

«Зенита» и «Грома» без чьей-либо «поддержки» (!?.) захватывали объекты второго плана (например, ту же тюрьму Пули-Чархи) государственного переворота в Кабуле. А ведь были и такие заявления.

Теперь несколько слов о смысле применяемого здесь термина «воздействие». Говорить о том, что все указанные объекты «захвачены» или «атакованы» было бы совершенно неправильно. И действительно штурм Тадж-Бека имел целью, прежде всего, не захват дворца, как такового, а физическую ликвидацию Хафизуллы Амина. Поэтому само это действие (штурм) было лишь промежуточным этапом достижения главной цели осуществляемого в ДРА государственного переворота. Целью, которую не удалось достичь прежде, действуя иными путями, например, в ходе снайперской засады, попытки отравления (усыпления... навечно) Х. Амина.

Для того чтобы лишить правительственные силы ДРА возможностей управления, временно выводились из строя коммуникационные линии столичной связи посредством осуществления на них диверсии. Целью воспрепятствовать осуществлению правоохранительных функций и исполнению обязанностей по защите режима было нападение на центральные офисы министерства внутренних дел (царандоя) и службы государственной безопасности (КАМ) ДРА. В целях дезорганизации деятельности военного руководства Афганистана и пресечения попыток противодействия совершаемому государственному перевороту со стороны кабульского гарнизона и других воинских частей осуществлялся захват зданий генерального штаба вооружённых сил (министерства обороны) ДРА, управления центрального армейского корпуса, а также штаба афганских ВВС и ПВО. Таким образом, тем или иным конкретным целям «воздействия» на тот или иной объект второго плана осуществляемого государственного переворота, как правило, соответствовали и применявшиеся методы. Поэтому в одних случаях проводилась диверсионная акция, в других – вооружённый захват, в третьих – нейтрализация руководства объекта посредством оказания на него психологического давления, подкреплённого силой оружия и так далее.

Немаловажную роль для выполнения поставленных задач сыграло умение и желание большинства руководителей

этих частных операций методами... разъяснительной (идеологической) и психологической работы воздействовать на политико-моральное состояние афганцев, защищавших те или иные объекты. С этой точки зрения, проведение государственного переворота в Кабуле ещё мало изучено, если не сказать, что совсем не изучено. А ведь некоторым «зенитовцам» и другим советским офицерам при решении стоящих задач на отдельных объектах второго плана приходилось быть не столько «разведчиками-диверсантами», сколько политработниками, агитаторами, парламентарями, психологами, переговорщиками и актёрами. Хорошо это или плохо? Правильно это или нет?.. Думается, что и хорошо, и правильно, если удалось избежать значительного кровопролития и вместе с этим выполнить приказ.

Не будем забывать, что все эти события происходили на общем фоне стратегической дезинформации о вводе советских войск по просьбе руководства ДРА и на основании советско-афганского межгосударственного договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 года. Распространение данной дезинформации проходило по решению Политбюро ЦК КПСС. Хотя, как отмечалось ранее, в официальных архивах вряд ли когда-нибудь будут обнаружены документы о том, кто и как принимал решение о физической ликвидации Х. Амина. Тем не менее ход событий наглядно свидетельствует о том, кто именно это санкционировал. Ведь кроме Политбюро ЦК КПСС в СССР фактически (не юридически) не существовало иного властного (государственного или партийного) органа, способного принять политическое решение такого уровня.

Прикрывалось всё это легендой о состоявшемся «внутреннем афганском государственном перевороте». А распространением данной дезинформации на тактическом уровне и занимались 27 декабря 1979 года руководители советских групп воздействия, их подчинённые, военные советники и действовавшие с ними оппозиционные деятели НДПА во главе с Бабраком Кармалем. Вопрос состоит только в том, что на разных объектах кабульского государственного переворота были различные методы этой проводившейся разъяснительной (политической, идеологической) работы, а также психологического и боевого (специального) воздействия.

2. Перечень объектов второго плана

В мемуарах «Как был взят дворец Амина» бывшего руководителя операции «Шторм-333» генерал-майора В.В. Колесника основное внимание было сосредоточено на штурме Тадж-Бека силами «мусульманского» батальона спецназа ГРУ Генштаба, спецформирований КГБ СССР «Гром» и «Зенит», а также подразделений советских воздушно-десантных войск. Очевидно, автор именно такую цель и ставил перед собой. Как бы вскользь мемуарист упоминает о том, что «одновременно со штурмом дворца Тадж-Бек группами спецназа КГБ при поддержке десантников из состава батальона 345-го парашютно-десантного полка» в Кабуле были захвачены ряд других важных государственных и военно-административных объектов. В данном случае обратим внимание, что В.В. Колесник об участии в решении задач по объектам второго плана подразделений «мусульманского» батальона ничего не говорит. 154-й отдельный отряд спецназа ГРУ ГШ, как это следует понимать из слов автора, был полностью задействован на выполнении приказа командования только по дворцу Х. Амина.

Таким образом, следует полагать, что в захвате, взятии под контроль и так далее... данных объектов принимали участие личный состав 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка, бойцы спецназа госбезопасности. Однако, как это будет показано в дальнейшем, перечень сил и средств, задействованных советской стороной в решении задач по объектам второго плана, только этим не ограничивался. Теперь несколько подробнее разберёмся в том, что это были за объекты. Генерал-майор В.В. Колесник перечень «объектов воздействия» ограничивает «Генеральным Штабом», «узлом связи», зданиями МВД и ХАД, то есть афганской службы безопасности. Очевидно, в последнем случае Василий Васильевич допускает оговорку, потому что служба безопасности ДРА после апреля 1978 года и до 1980 года имела сокращённые наименования УНБ, АГСА и, наконец, КАМ (в декабре 1979 г.). Название ХАД появилось после свержения режима Х. Амина.

Относительно самого приведённого здесь перечня следует сказать, что он был значительно шире. При этом во внимание даже не берутся такие объекты блокирования и (или) захвата, как военные городки войсковых формирований кабульского гарнизона, которые нейтрализовывались бронетехникой и личным составом советских воздушно-десантных войск. Такие задачи были определены командованием в основном для 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Не берутся во внимание здесь и ряд других объектов, «мероприятия» на которых проводились силами чисто советнического аппарата. И делается это по простой причине: на общем фоне всех кабульских событий 27 декабря нас прежде всего интересуют события, на тех объектах «второго плана», которые либо находились в непосредственной близости от Тадж-Бека, либо имели прямое отношение к общему ходу операции «Байкал-79» в целом и «Штурму-333» в частности, либо являются в той или иной мере иллюстрацией к штурму дворца Х. Амина.

В альманахе «Русские коммандос», изданном к 20-летию со дня событий государственного переворота в ДРА, сообщается, что отряд «Зенит» действовал в составе девяти групп на следующих объектах: 1. Дворец Амина; 2. Царандой (полиция); 3. Генштаб; 4. КАМ (военная контрразведка); 5. Тюрьма; 6. Телеграф; 7. «Колодец» связи; 8. Почта; 9. Телецентр¹. Аналогичная информация имеется и в изданном к 10-летию Группы специального назначения КГБ СССР «Вымпел» альбоме². Перечисление кабульских объектов, избранных для «воздействия» на 27 декабря, можно обнаружить и в мемуарах генерал-майора Ю.И. Дроздова «Штурм-333», где приводятся воспоминания бывшего командира отряда «Зенит» «Алексея П.» (очевидно, полковника госбезопасности Алексея Константиновича Полякова).

Правда, здесь данный перечень становится шире, да и называются сами объекты «второго плана» уже несколько иначе. А именно – «резиденция Амина, МВД, госбезопасность, министерство связи и информации, центральный телеграф и почта, радио и телевидение, тюрьма в Пули-Чархи (на окраине Кабула), генеральный штаб афганских вооружённых

1 «Русские коммандос». – 1999, № 12. С. 54-55.

2 См.: Указ. альбом. – С. 46.

сил... и линии связи»¹. Как мог обратить внимание читатель, согласно данному источнику, появляется «новый» объект воздействия – «министерство связи и информации». Однако по тексту указанных воспоминаний Ю.И. Дроздова, о захвате этого министерства ничего конкретного не сообщается. Далее здесь содержится сообщение об «овладении» не упоминавшимся ранее штабом «Центрального армейского корпуса» (ЦАК), располагавшимся во Дворце народов (Дворце Арк).

Исходя из чего, следует сделать вывод о том, что, несмотря на отсутствие «штаба ЦАК» в процитированном генерал-майором Ю.И. Дроздовым списке, а также в других «вымпеловских» перечнях, этот объект был предметом воздействия советских десантников и военных советников 27 декабря 1979 года.

В статье П. Нищева, со ссылкой на автора книги «Пламя Афгана» генерал-майора А.А. Ляховского, а также Ю.И. Дроздова, говорится: «О действиях других спецгрупп «Зенита» сказано пока скромно. А именно: «Одновременно с Тадж-Бекком захвату подлежали здания Министерства обороны, Министерства внутренних дел (Царандоя), Штаба военно-воздушных сил, тюрьмы, почты и телеграфа... Захват этих ключевых объектов в Кабуле прошёл спокойно, с меньшими потерями. Подробнее об этом читайте в книге Ю.И. Дроздова...»² Таким образом, «выявляется» ещё один новый объект второго плана, подвергнутый воздействию со стороны спецназа КГБ, советских десантников и военных советников, то есть «штаб военно-воздушных сил».

В свою очередь М.Е. Болтунов пишет: «Кстати, надо заметить, что по общему сигналу (имеется в виду взрыв «колodka связи». – *Примеч. В.К.*) бойцы «Зенита» и «Грома» при поддержке десантников *атаковали* (курсив. – *В.К.*) не только дворец Амина, но и ещё несколько важнейших военных и административных объектов Кабула: здание генерального штаба афганских вооружённых сил, здание Министерства внутренних дел (Царандой), штаб ВВС, тюрьму Пули-Чархи, почту и телеграф»³. Далее Михаил Ефимович добавляет:

1 См.: Дроздов Ю.И. Указ. соч. – С. 20.

2 Нищев П. Указ. соч. – С. 8; Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 173.

3 Болтунов М.Е. Указ. соч. – С. 65.

«Без свидетельств участников истинную картину той ночи восстановить невозможно. Да и забыть о них несправедливо: все рисковали жизнью, а кто на каком объекте оказался – на то воля судьбы»¹. С последним утверждением автора трудно не согласиться. Однако обратим внимание читателя на то обстоятельство, что в перечне объектов второго плана, указанных М.Е. Болтуновым, отсутствуют ранее упоминавшиеся «телецентр», «КАМ (военная контрразведка)», но при этом вновь указывается тот же «штаб ВВС». При овладении этим последним объектом воздействия или при осуществлении «атаки» на него, как пишет об этом автор, были задействованы бойцы группы «Гром» Анатолий Савельев и Виктор Блинов, взвод ВДВ и военный советник в звании майора.

Здесь также приводятся другие данные об участии не только «зенитовцев», но и «громовцев» в проведении акций на объектах второго плана. Например, в ходе овладения зданием министерства внутренних дел ДРА (царандоя). Из чего можно сделать вполне логический вывод о привлечении к проведению «мероприятий» по данным объектам не только офицеров госбезопасности из спецотряда «Зенит», но и отряда «Гром», то есть группы специального назначения КГБ СССР «А». О чём в «зенитовских» источниках информация, по большому счёту, отсутствует.

В 2000 году журналист и писатель В.В. Огрызко, ссылаясь на генерал-майора госбезопасности Вадима Кирпиченко, утверждал: «Кроме того (кроме штурма дворца Тадж-Бек. – *Примеч. В.К.*), ещё три ожесточённых боя вели десантники – за афганский генштаб, пункт мобуправления и за «Радио Афганистана»². Таким образом, из слов В.В. Огрызко выходит, что в решении задач воздействия на перечисленные им объекты второго плана принимали участие только десантники. Бойцы «Зенита» и «Грома» в этом контексте автором не упоминаются. Исключаются из участия в данных событиях также военные советники и кто-либо ещё, что, как ранее отмечалось, не соответствует действительности. Вместе с тем Вячеслав Вячеславович «рассекречивает» ещё одно новое место «ожесточённого боя» 27 декабря 1979 года – «пункт мобуправления».

1 Там же.

2 Огрызко В.В. Указ. соч. – С. 12.

По этому поводу заметим, что, вполне возможно, таковой объект захвата, блокирования или нейтрализации действительно был предметом действий советских десантников. Например, из состава 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Однако в комитетских и гэрэушных изданиях каких-либо конкретных упоминаний об ожесточённом бое при захвате афганского «пункта мобуправления» не имеется.

Исходя из этого, предположим, что названный В.В. Огрызко «новый» объект захвата («пункт мобуправления») или не входил в перечень объектов воздействия советского спецназа (ГРУ ГШ и КГБ СССР), или автор ошибочно так именуется тот же «афганский генштаб», в структуру которого как раз и должно теоретически входить это «мобуправление» («мобилизационное управление»). Очевидно, в случае с упомянутым В.В. Огрызко «Радио Афганистана» имеется аналогичная ошибка, и речь здесь следует вести о кабульском телерадиоцентре (комплексе зданий столичного радио и телевизионного центра). Кроме перечисленных ранее есть определённые неувязки с вопросом, что именно захватывали «зенитовцы», «громовцы» и десантники: телеграф, почту и (или) министерство связи и информации ДРА? Впрочем, хватает и другой путаницы и разночтений.

Однако, суммируя и анализируя различные сведения, можно сделать предположение, что в ходе проведения в Кабуле государственного переворота 27 декабря советским командованием были избраны следующие *основные* объекты воздействия (штурма, диверсий, захвата, блокирования, взятия под контроль) для спецназа ГРУ Генштаба и КГБ СССР, десантников 103-й ввд и 345-го гв. опдп, а также военных советников:

1. Дворец Тадж-Бек (резиденция генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Хафизуллы Амина).
2. Генеральный штаб вооружённых сил (министерство обороны) ДРА, расположенный на проспекте Дар-уль-Аман, рядом с дворцом Тадж-Бек.
3. Линии кабульской гражданской (центр города) и армейской (между Тадж-Бекем и генеральным штабом ВС ДРА) связи.
4. Управление и штаб центрального армейского корпуса ВС ДРА, располагавшиеся в бывшем королевском дворце Арк (Доме народа).

5. Комплекс зданий кабульского радио и телевизионного центра, располагавшийся в непосредственной близости от посольства США в ДРА.

6. Здание министерства внутренних дел ДРА (царандоя).

7. Комплекс зданий службы государственной безопасности ДРА (КАМ).

8. Центральный телеграф, почта и (или) министерство связи и информации ДРА.

9. Штаб ВВС и ПВО вооружённых сил ДРА (в Афганистане это был единый вид вооружённых сил).

10. Тюрьма для содержания политических заключённых в районе Пули-Чархи (около Кабула).

Что можно сказать относительно сил и средств, привлечённых советской стороной для действий на объектах второго плана? По большому счёту, об этом уже говорилось, поэтому сделаем только общий обзор состава этих советских команд (диверсий, захвата, нейтрализации, взятия под контроль и т.д.). А входили в них более ста бойцов отрядов спецназа КГБ СССР «Зенит» и «Гром», офицеры других подразделений госбезопасности (сотрудники ПГУ, советники, переводчики и т.д.). Здесь был задействован личный состав 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка, а также личный состав 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, в том числе офицеры дивизионного звена, осуществлявшие дезинформационное прикрытие при захвате афганского генштаба. Кроме того, для воздействия на отдельные объекты второго плана привлекались военные советники МО СССР, а также советники по линии КГБ и МВД СССР. Также имеется информация об участии в этих событиях офицеров и прапорщиков внештатной роты пограничных войск КГБ СССР, охранявшей советское посольство в Кабуле (эти сведения нуждаются в дополнительной проверке). Разумеется, не сидели без дела и афганские оппозиционные деятели, в том числе М.А. Ватанждар, С.М. Гулябзой, Н.А. Нур, А. Вакиль, А. Сарвари и другие.

Далее при освещении и анализе государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года предметом нашего внимания станут не все объекты «второго плана». А только те из них, изучение произошедшего на которых, на наш взгляд,

поможет лучше подойти к пониманию многих фактических обстоятельств боевой (специальной) операции по штурму дворца Тадж-Бек. Именно поэтому в частности будут рассмотрены фактические обстоятельства проведённых спецназом КГБ СССР диверсий на линиях кабульской гражданской (городской, междугородной) и армейской (правительственной) связи. Это важно для нас по двум обстоятельствам. Во-первых, потому что посредством реализации этой акции дворец Х. Амина, органы военно-политического руководства ДРА, силы безопасности и правопорядка, а также воинские части кабульского гарнизона были лишены основных линий телефонной связи. И, во-вторых, потому что изначально проведение диверсий на линиях гражданской и военной (правительственной) связи должно было послужить общим сигналом к действиям по осуществлению государственного переворота. С чего, собственно говоря, этот переворот и начинался.

Более того, в поле нашего зрения окажется проведение «частных» боевых (специальных) операций по захвату генерального штаба вооружённых сил (министерства обороны) ДРА, находившегося в непосредственной близости от Тадж-Бека, а также комплекса зданий кабульского телерадиоцентра и министерства внутренних дел ДРА (царандоя). На этих трёх последних из указанных объектах «второго плана», как и во время штурма дворца Х. Амина, были задействованы афганские оппозиционеры. Начало действий групп захвата здесь проходило почти синхронно со штурмом Тадж-Бека.

3. Объект диверсии – «Линии связи»

Первыми из уничтоженных (выведенных из строя, захваченных, взятых под контроль) объектов «второго плана» во время драматических событий 27 декабря 1979 года стали линии кабельной городской и междугородней связи афганской столицы, а также армейской (правительственной) связи. Речь здесь идёт, во-первых, о проведённой силами спецгруппы отряда «Зенит» диверсии по выводу из строя специального бункера гражданской связи или, как его ещё называли, «колодца связи». Во-вторых, о подрыве «усилительного

пункта кабельной линии связи» или, точнее, армейской (правительственной) линии связи, соединявшей дворец Тадж-Бек с генеральным штабом вооружённых сил (министерством обороны) ДРА. Как ранее отмечалось, цель этих диверсий, осуществлённых «зенитовцами» в центре Кабула и в районе проспекта Дар-уль-аман, состояла в том, чтобы в период проведения операции «Шторм-333» дезорганизовать афганские силы безопасности и правопорядка, а также воинские части кабульского гарнизона. Кроме этого мощный взрыв, прозвучавший при ликвидации «колодца связи», должен был послужить для советских штурмовых групп и подразделений десантников общим сигналом к началу действий по осуществлению государственного переворота, то есть общей операции «Байкал-79».

О том, какое значение советским командованием придавалось выведению из строя этих линий афганской связи, говорит хотя бы тот факт, что руководство организацией и проведением этих диверсий возлагалось лично председателем КГБ СССР Ю.В. Андроповым на командира спецотряда КГБ СССР «Зенит» полковника А.К. Полякова. В его распоряжение было выделено порядка 15 разведчиков-диверсантов и других сотрудников Комитета госбезопасности, которые после проведения взрывов в «колодце связи» и на «усилительном пункте армейской линии связи» должны были переключиться на выдачу «афганским патриотам» оружия, заблаговременно сосредоточенного на комитетских виллах.

При содействии полковника КГБ Сергея Гавриловича Бахтурина, обеспечивавшего безопасность посольства СССР в Кабуле, «зенитовцами» был установлен советский специалист, посвящённый в тайны системы связи афганской столицы. С его помощью и было определено место («болевая точка»), где проведение диверсии давало максимальный эффект. При этом учитывались реальные возможности доступа к объекту намеченной акции, другие его уязвимые места, минимальное время, требуемое для закладки минно-взрывного устройства, и ряд иных вопросов. В частности следовало избежать неоправданной гибели местных жителей и членов разведывательно-диверсионной группы.

Так было выявлено наиболее слабое звено в расположении центрального линейного узла связи, от которого

исходили кабельные линии междугородной и городской связи, имевшее начало в специально оборудованном для этих целей «колодце связи». В связи с тем обстоятельством, что система связи в Кабуле была установлена западногерманскими специалистами с использованием соответствующего оборудования, принципиального устройства бункера и распределения в нём кабелей «зенитовцы» не знали. Началась доскональная разведка будущего объекта диверсии.

Сам «колодец» располагался в центре Кабула на тротуаре в 5-6 метрах от здания центрального узла связи, из помещения которого афганской охраной за объектом осуществлялось постоянное наблюдение. Через дорогу от объекта находились государственный банк, ресторан, кинотеатр, а на пути движения к нему (примерно в 100-120 метрах) – гостиница. В 30-50 метрах от «колодца» был перекрёсток дорог, где располагался пост афганской полиции (царандоя). Незадолго до дня «Д» около бункера появился и стационарный пост жандармерии. Но, как это выяснили разведчики-диверсанты, он выставлялся только на дневное время суток. Тогда же было определено, что в «колодце связи» имеется вода (её точный уровень установить так и не удалось.). С поправкой на это начали подготовку к действию минно-взрывного устройства.

Для предотвращения возможных попыток со стороны афганской охраны в снятии или обезвреживании заложенного заряда в бункер связи планировалось опустить дымовую гранату со слезоточивым газом (западногерманского производства). В подготовительный период «зенитовцами» также изучались маршрут движения к объекту, наличие здесь афганских воинских и полицейских подразделений, подвижных патрулей и стационарных постов охраны, а также интенсивность движения транспорта в различное время суток. Проводился хронометраж времени по различным вариантам маршрутов следования разведывательно-диверсионной группы к «колодцу связи».

В ходе визуальной разведки было установлено, что спецбункер линий связи закрывался прямоугольной железной плитой, имевшей толщину до десяти сантиметров и четыре отверстия, в которых крепилось приспособление для снятия крышки люка. В процессе дальнейшей доразведки разведчиками-диверсантами был использован приём, когда

при вытаскивании из кармана брюк носового платка один из них якобы случайно обронил несколько афганских монет. Во время «сбора денежной мелочи» «зенитовцам» удалось довольно-таки точно определить диаметр отверстий, расстояния между ними, их глубину и углы направления отверстий в люке. Полученные таким способом данные были использованы при изготовлении в мастерской советского посольства специальных клещей для поднятия крышки люка. Эту работу выполнил один из офицеров отряда «Зенит», имевший соответствующее прозвище – Кулибин (Валерий Волох. – *Примеч. В.К.*).

В последующем разведчиками на удалении до пяти километров от объекта предстоящей диверсии был обнаружен металлический люк, аналогичный люку на «колодеце связи». После чего фактически в полном составе разведывательно-диверсионной группы «зенитовцы» на трёх машинах УАЗ выехали на «опробывание инструмента» и практическую отработку вопросов предстоящей акции. В ходе этой поездки комитетчики обнаружили слежку, которая велась за ними из неотступно следовавших автомашин такси. Остановившись около небольшого магазина, находившегося рядом с «учебно-тренировочным объектом», «зенитовцы» под предлогом покупки овощей и фруктов вышли из УАЗов. В дальнейшем часть из них окружила плотным «дружеским» кольцом остановившихся здесь же «таксистов». Одновременно другие чекисты, воспользовавшись этой заминкой, проверили свой инструмент для поднятия крышки «учебного» люка. Клещи оказались сделанными впору. А дополнительная тренировка при подготовке к осуществлению диверсии в условиях, приближённых к боевым, оказалась совсем не лишней.

Чтобы наглядно представить картину событий, развернувшихся в день «Д» вокруг осуществления диверсии на «колодеце связи» афганской столицы, предоставим слово бывшему командиру подгруппы «Зенита» Борису Андреевичу Плешкунову, непосредственно участвовавшему в проведении этой акции: «Всё началось со взрыва колодца связи. В моё подчинение определили десять человек. «Колодец» связи, который нам предстояло вывести из строя, находился на людной площади. Рядом здание узла связи, пост Царандоя, через дорогу – банк, ресторан, кинотеатр. Так что

в любопытствующих не было недостатка, что осложняло выполнение задачи. Решили действовать после 19.00 (27 декабря. – *Примеч. В.К.*), когда уже наступал комендантский час и площадь пустела. Выехали на УАЗиках. Две машины остановились у ресторана, а наша подъехала к люку, который вёл в «колодец». Дождались условного сигнала – хлопнула резко закрытая дверца автомобиля. Значит, пост Царандоя на месте.

Сотрудник нашей группы Хаятов, владеющий языком, ушёл, чтобы отвлечь постовых. Трое человек заслонили нас. Валерий Волох, который сам изготовил щипцы для вскрытия люка, поднял крышку, а я в рюкзаке опустил в «колодец» два мощных заряда. В «колодце» была вода, но это не испугало: действие своих зарядов мы проверили заранее. Взрыватель поставили на 15 минут. Сели в машину. Окликнули Хаятова, который вошёл в роль и увлечённо беседовал с постовым, угощая его сигаретами. Через несколько минут мы уже были на вилле. Такого скорого возвращения никто не ожидал, и один из руководителей даже высказал сомнение, мол, всё ли успели сделать? Но часы уже показывали 19.15. Прозвучал мощный взрыв. Кабул лишился связи»¹.

Другой участник этих событий, в ту бытность старший лейтенант госбезопасности Сергей Климов так вспоминал о своём участии в проведении этой диверсии: «Судя по прежним приказам, я, видимо, должен был участвовать в захвате Царандоя – афганской милиции. Но из-за зуба меня, как я понимаю, переключили на так называемый «колодец связи». Через этот объект Амин осуществлял связь со своим правительством и армией, а также со всем внешним миром. Естественно, накануне событий мы провели рекогносцировку и прикинули, что к чему. В мою задачу входила нейтрализация часового. Дело это, если честно, далеко не из приятных. Я готовил самые разные варианты. Придумал на всякий случай такую сцену. Если что, собирался вынуть платочек с монетками и якобы нечаянно рассыпать их по всей улице. Надежда была на то, что часовой отвлечётся и проявит интерес к этим монеткам. Ну, а там...

¹ «Русские коммандос». – 1999. № 1. С. 43-44.

В общем, у меня было всё, что надо, чтобы этого часового в случае чего «снять». К счастью, в самый ответственный момент, когда пришло время закладывать минное устройство, часового на месте не оказалось. Взрыв колодца – он прогремел в 19.15 – стал сигналом к штурму Дворца Амина... Когда свою задачу мы выполнили, то отошли на заданную позицию и уже оттуда, находясь на связи, наблюдали за ходом боя. Зрелище вообще-то жуткое. И вдруг по рации я услышал, что погиб мой учитель Григорий Бояринов. Потом пришло сообщение, что погибли мои товарищи Боря Суворов и Толя Муранов. Состояние – хуже некуда. Но что удивительно, утром 28 декабря, когда собрались к «колодцу связи» посмотреть результаты своей работы, мы возле аминовского дворца встретили целую толпу афганских пацанов. Они, как ни в чём не бывало, словно тут вчера не шло никакого боя, приставали к нашим офицерам и продавали им сигареты. Для кого-то война, а кому-то – коммерция. В этом – одна из особенностей Афганистана»¹.

В основном так же и вместе с этим несколько по-другому излагает ход проведения диверсий на «колодце связи» и линии афганской армейской связи сам командир отряда «Зенит» полковник А.К. Поляков или «Алексей П.», как его называл генерал-майор Ю.И. Дроздов. Чтобы более наглядно продемонстрировать некоторую разницу в видении этих событий, предоставим ему слово: «Получив приказ на проведение диверсии, я ещё раз провёл визуальную разведку объекта, а вернувшись на виллу, обнаружил, что все, кроме входящих в мою группу, уже куда-то (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) убыли, в том числе и лидеры оппозиции.

Я собрал группу, объявил время проведения диверсии и поставил задачу подорвать кабель (имеется в виду кабель армейской линии связи между Тадж-Бекем и генеральным штабом ВС ДРА. – *Примеч. В.К.*) тоже в 19.30.

Где-то в 18.45 на трёх автомашинах мы выехали на диверсию. На вилле оставался всего один сотрудник, которому я приказал в случае срыва нашей операции всё закрыть и убыть в наше Посольство, а конкретно в погранроту. Так как переводчиков в отряде не хватало, я всё же упросил выделить в мою группу переводчика.

¹ Цит. по указ. книге В.В. Огрызко. – С. 8.

Дальнейшее развитие событий показало, что не будь переводчика в нашей группе, не было бы и бескровного проведения операции.

Прибыв к объекту диверсии, я с подгруппой прикрытия расположился на УАЗ-469 около поста регулирования движениям. Вторая подгруппа прикрытия на «Волге» остановилась около гостиницы, а подгруппа исполнителей с переводчиком и подготовленным зарядом на УАЗ-450 подъехала непосредственно к колодцу. В момент открытия люка колодца подрывников неожиданно окликнул часовой поста охраны узла связи. К часовому подбежал переводчик, объяснил, что идёт проверка связи, угостил его сигаретой и повёл с ним отвлекающий разговор.

Операция по открытию люка, закладке в колодец заряда, а затем повторному открытию люка для того, чтобы бросить в колодец гранату со слезоточивым газом (в спешке гранату не опустили вместе с зарядом), была проведена, как говорят, за считанные секунды, хотя нам всем они показались очень долгими. Расположение прикрытия и исполнителей и расстояние между ними позволяли нам осуществлять зрительную связь. Поэтому, как только машина УАЗ-450 с подрывниками тронулась с места, одновременно с ними начали движение и подгруппы прикрытия.

На виллу мы возвратились без приключений и не без волнения стали ожидать взрыва. На вилле в момент нашего возвращения находились два сотрудника нашей резидентуры и несколько афганцев, которые должны были встречать своих сторонников, а мы их вооружать.

Среди афганцев один свободно владел русским языком. Остальные афганцы русский язык не знали или делали вид, что не понимают по-русски.

В 19.30 прогремел сильный взрыв, а вскоре недалеко от нас последовал и второй взрыв как результат подрыва линии армейской связи.

По радию я доложил руководству о выполнении задания. И тут началось. Особенно сильно велась стрельба в районе дворца Амина.

Непосредственно вблизи виллы стояла какая-то непонятная тишина.

Примерно через час стрельба в городе прекратилась...»¹

1 Цит. по указ. книге Ю.И. Дроздова. – С. 42-44.

Давайте проведём небольшой анализ воспоминаний участников этой диверсионной акции, на которых и основывается наше повествование:

Во-первых, временем проведения диверсии на «колодце связи» Борис Плешкунов и Сергей Климов называют 19.15, а командир отряда «Зенит» полковник А.К. Поляков – 19.30. В последнем случае, очевидно, имеет место быть вполне возможная ошибка памяти.

Во-вторых, Борис Плешкунов говорит о том, что в его «подчинение определили десять человек». По всей видимости, под этим он подразумевает «зенитовцев», назначенных для проведения акции на «колодце связи» и входивших в «подгруппу исполнителей» или «подгруппу подрывников» без учёта командира отряда («Алексея П.»), его подгруппы и разведчиков-диверсантов, организовавших подрыв линии армейской (правительственной) связи.

В-третьих, из слов командира «Зенита» полковника А.К. Полякова с определённой долей уверенности можно предположить, что переводчик его группе был выделен в последнюю очередь и, возможно, не входил в число «пятнадцати разведчиков-диверсантов», первоначально назначенных для выведения из строя линий связи.

Таким образом, получается, что акцию на линии армейской (правительственной) связи между дворцом Тадж-Бек и генеральным штабом ВС ДРА (недалеко от виллы КГБ и посольства СССР) совершили порядка четырёх «зенитовцев».

Как ранее отмечалось, несмотря на отсутствие информации из официальных источников о ходе «Штурма-333» и общей операции по проведению 27 декабря 1979 года государственного переворота «Байкал-79», историю войны в Афганистане, в том числе и её первые события, вполне можно изучать не только по свидетельствам их участников и очевидцев, но и по богатому песенному фольклору. Об этом мы уже говорили, но сейчас, в контексте данной главы, процитируем строки, относящиеся конкретно к проведению диверсионной акции «Зенита» на «колодце связи»:

Слышишь, брат: «Та-ра-рам!» — в семь пятнадцать начало,
Сорок шесть килограмм, как сигнал прозвучало.
И пошли полоскать с чердака и до входа,
Смерти нам не искать, нынче смерть вошла в моду..

Как можно увидеть из этой небольшой песенной зарисовки, и время диверсии совпадает, и о мощности минно-взрывного устройства сообщается, и даже говорится о назначении самой этой диверсионной акции. Вот вам, как говорится, и... фольклор. Впрочем, А.К. Поляков в последующем упоминал лишь о сорока килограммах заложенного взрывчатого вещества, но это, как говорится, уже нюансы. К сказанному, очевидно, следует добавить, что при установке в «колодце связи» минно-взрывного устройства, рассчитанного на действие в воде, были использованы два дублирующих друг друга временных взрывателя. Так «зенитовцы» под руководством командира отряда Алексея Константиновича Полякова и Бориса Андреевича Плешкунова исполнили поставленную перед ними задачу. Потерь с обеих сторон при осуществлении данных диверсий не было. С этого времени Кабул действительно начал привыкать жить по «московскому» времени, а Тадж-Бек был лишён основных каналов связи.

4. Генеральный штаб вооружённых сил ДРА

Сам этот объект воздействия в различных публикациях называют по-разному. Например, «Министерством обороны ДРА» (А.А. Ляховский), «Министерством обороны генерального штаба афганской армии» (В.Ю. Марковский и В.В. Мильяченко), «генеральным штабом афганской армии» (Ю.И. Дроздов). Или «генеральным штабом вооружённых сил Афганистана» (М.Е. Болтунов), «генеральным штабом министерства обороны ДРА» (В. Розин), «генеральный штаб НВС (национальных или народных ВС) вооружённых сил ДРА» (В.И. Аблазов) и т.д. Наконец, говорят о «Генштабе Афганистана» и стоящем рядом с ним здании «Министерства обороны ДРА» (И. Васильев).

В этой связи, очевидно, целесообразно уточнить некоторые понятия. Для чего примем во внимание следующие существенные обстоятельства: во-первых, то, что в реальности координационные функции генерального штаба несколько шире, чем министерства обороны, как одной из составных частей единого блока силовых структур государства (во всяком случае, такое понимание ГШ ВС было в то время в СССР). Во-вторых, функции главнокомандующего вооружёнными силами ДРА, а также (номинально) министра обороны страны в рассматриваемый период были сосредоточены в руках председателя Революционного совета и премьер-министра Афганистана «товарища» Хафизуллы Амина.

Исходя из этих и ряда других обстоятельств, объектом захвата № 2 (по его важности) в ходе государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года следует полагать генеральный штаб вооружённых сил ДРА. При этом надо иметь в виду, что начальник ГШ ВС Афганистана генерал (в некоторых источниках его именуют полковником или даже майором) Мухаммада Якуб в данный период одновременно был и реальным руководителем аппарата министерства обороны (национальной обороны) ДРА. Говоря иными словами, генеральный штаб вооружённых сил Афганистана в описываемый период в основном имел и функции министерства обороны ДРА.

О захвате здания генштаба ВС Афганистана в своих мемуарах «Шторм-333» бывший начальник нелегальной разведки ПГУ КГБ СССР генерал-майор Ю.И. Дроздов вспоминал: «Как и ожидалось, другим наиболее трудным объектом (после дворца Тадж-Бек. – *Примеч. В.К.*) оказался генеральный штаб афганской армии, охрана которого была значительно усилена, а сама обстановка внутри объекта весьма напряжена. Разведывательно-диверсионной группе в продолжительной жёсткой схватке удалось отсечь и изолировать руководство Генштаба, сковать огнём подразделение внутренней охраны. Уничтожить узел связи, не допустить проникновения внешней охраны внутрь здания. Бой завершился с подходом подразделения десантников. В результате, – докладывал командир группы, – уничтожены лица, оказавшие сопротивление, взяты пленные»¹.

1 Дроздов Ю.И. Указ. соч. – С. 54.

Вместе с этим в книге В.Ю. Марковского и В.В. Мильяченко «Афганистан: война разведчиков» утверждается: «В те же часы силами другой роты батальона (имеется в виду «мусульманский» батальон спецназа ГРУ ГШ. – *Примеч. В.К.*) и чекистов было взято здание Министерства обороны генштаба афганской армии»¹. Однако, с точки зрения анализа других источников информации, данное заявление авторов представляется не соответствующим действительности: об участии 154-го отряда спецназа ГРУ в захвате здания генерального штаба вооружённых сил ДРА ничего не писал руководитель операции «Штурм-333» В.В. Колесник, об этом ни слова не обмолвились другие бывшие «мусульмане»-спецназовцы. Впрочем, об участии в захвате здания афганского генштаба бойцов 154-го ооСпН писали некоторые офицеры КГБ из отряда «Зенит». Но здесь, очевидно, имеет место простое незнание фактов или ошибка, в результате которой за «мусбатовцев» были приняты советские офицеры-десантники, военные советники и (или) пограничники, привлекавшиеся к проведению этой акции.

Подразделение спецназа госбезопасности, выделенное для захвата здания ГШ ВС ДРА, именовалось группой «Факел». Его силами проводилась тщательная и скрупулёзная разведка объекта захвата. Это изучение проводилось заблаговременно. После обеда, во второй половине дня 27 декабря 1979 года, группа «Факел» была приведена в полную боевую готовность и более чем в два раза численно усилена. Как впоследствии утверждал «зенитовец» Игорь Васильев, это усиление происходило «в том числе за счёт трёх крепких молодых ребят из спецназа ГРУ». Однако, как это отмечалось ранее, более правильно в данном случае следовало бы говорить об усилении разведывательно-диверсионной группы «Факел» спецотряда КГБ «Зенит» за счёт включения в её состав офицеров-десантников и пограничников.

Кроме того, с «Факелом» находился «невысокий афганец с задачей, известной только командиру». По данному поводу А.А. Ляховский предположил, что этим «невысоким афганцем» был Абдул Вакиль, являвшийся одним из функционеров «парчамистской» фракции НДПА². Здесь также

1 Марковский В. Ю., Мильяченко В. В. Указ. соч. – С. 4.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 152.

были задействованы несколько военнослужащих советской армии (офицеры воздушно-десантных войск и военные советники), которые обеспечивали «легенду» проникновения в генеральный штаб вооружённых сил ДРА. Эта «легенда» состояла в том, что спецгруппа «Факел» проникала в афганский генштаб под видом сопровождения (охраны) советских командиров, прибывших к генералу Мухаммаду Якубу якобы для согласования вопросов взаимодействия при вводе ОКСВА. Начало действий группы захвата по этому объекту было определено в 19.15 27 декабря по кабульскому времени, а сигналом – взрыв «колодца связи» в центре Кабула.

Один из непосредственных участников этих событий, бывший в то время офицером госбезопасности и бойцом отряда КГБ СССР «Зенит», И. Васильев в последующем вспоминал: «Проникновение в Генштаб прошло чисто, по «легенде». Хотя охрану насторожила численность и внешний вид сопровождения командира советской воинской части, прибывшей представиться начальнику штаба Якубу. «Включили» общительность, рассредоточились в здании по своим позициям. Противник нам предстоял серьёзный. Сам Якуб – волевой, решительный, рослый, крепкого сложения генерал, до 40 лет, в прошлом выпускник Рязанского училища ВДВ. Под стать ему и несколько десятков человек его личной охраны, целиком из родственников, преданных ему в соответствии с племенными обычаями, беспредельно. Свыше ста офицеров Генштаба, закалённых в переворотах, боях с мятежниками, многие из которых получили прекрасное образование в США и в Европе. Во дворе рота охраны. Напротив, невдалеке на взгорке, Министерство обороны (очевидно, в данном случае имеет место ошибка. – *Примеч. В.К.*) со своей ротой охраны и неизвестным нам количеством офицеров.

В 19.10 мы уже в «низком старте». Считаем минуты, внешне ничем не выдавая предельного напряжения. 19.15 – взрыва нет. Тягуче потянулись секунды. Казалось, что внутри тебя их медленно отсчитывает метроном, как капли воды из плохо закрытого крана. Пальцы непроизвольно тянутся к спусковому крючку. Наконец – взрыв. Атака!»¹.

1 «Русские командос». – 1999, № 1. С. 45-46.

Ход дальнейших событий можно проследить по воспоминаниям командира этой разведывательно-диверсионной группы отряда КГБ «Зенит» «Валерия Р.» (Валерия Розина). Их в своих мемуарах «Шторм-333» воспроизвёл генерал-майор Ю.И. Дроздов. А содержится в них следующая информация: «27 декабря 1979 года в 18.50 группа в составе 16 разведчиков-диверсантов отряда «Зенит» и восьми офицеров-пограничников и ВДВ вместе с одним афганцем «В» на автомашинах выехала с территории советского посольства в генеральный штаб министерства обороны Афганистана (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) в Кабуле. На место прибыли около 19.00. Одна группа поднялась на второй этаж в левое крыло генштаба МО Афганистана. Остальные, по плану, остались в вестибюле в ожидании установленного времени. При подъезде к объекту и при следовании к начальнику Генштаба было визуально установлено, что количество афганцев (наружное охранение, посты в вестибюле и на обоих этажах, лица в штатском, обслуга, офицеры) значительно больше, чем это фиксировалось раньше при разведке объекта. В помещении узла связи на первом этаже заднего крыла здания, под актовым залом, кроме трёх дежурных связистов находилось около 15 афганских солдат с автоматами. В торцевых частях здания у левого и правого входов было, кроме обычных двух караульных, ещё по 7–10 солдат-афганцев. Неустановленное количество солдат, как выяснилось позже, находилось в комнатах первого этажа. Шесть офицеров прошли в кабинет к начальнику Генштаба. Восемь разведчиков-диверсантов рассредоточились в запланированном порядке в коридоре и комнатах Генштаба, расположенных на втором этаже правого крыла здания и перекрыли большинство присутствовавших афганцев, с целью достижения эффекта неожиданности угощали их сигаретами, вели разговоры. Подобные контакты с афганцами установили и пятеро разведчиков-диверсантов, оставшихся на первом этаже (вестибюль, коридоры, торцевые входы).

Около 19.06 прибывшие к Якубу гости сели за стол. В 19.30 в городе раздался взрыв; судя по мимике, Якуб его тоже услышал, но говорить продолжил. Затем в кабинет вошли шесть человек афганцев в штатском, один из них сказал Якубу, что телефоны не работают.

Первой начала боевые действия группа первого этажа, нацеленная по плану на узел связи. В короткой рукопашной схватке был обезоружен часовой у входа, перерезаны выходы телефонных проводов на лестничной площадке и автоматным огнём подавлено сопротивление охраны узла связи. Таким образом, была создана возможность вывести из строя наиболее уязвимые и важнейшие части узла связи.

Со двора по окнам узла связи неизвестный противник открыл автоматный огонь. Отвечая на него, группа из узла связи, успешно решив возложенную на неё задачу, вышла в вестибюль. При этом пуля угодила в живот одному из разведчиков-диверсантов, попала в замкнутый за пояс пистолет, благодаря чему он получил лишь лёгкое ранение осколками пластиковой части рукоятки пистолета. В соответствии с планом два члена группы остались в вестибюле и помогли ликвидировать охрану у главного входа. Часть группы бегом поднялась на второй этаж для оказания поддержки действовавшим там бойцам отряда «Зенит». Рукопашная схватка в помещении второго этажа была наиболее продолжительной и ожесточённой.

По окончании боя в здании Генштаба все члены группы активно участвовали в разоружении пленных, их обыске, связывали им руки и сдавали под охрану подразделениям ВДВ.

Потери группы – минимальные: два легкораненых, один из них остался в строю, и один тяжело раненый (пограничник, ранение в бедро). Убитых в группе нет»¹.

В отношении приведённых воспоминаний Игоря Васильева (Игоря В.) и Валерия Розина (Валерия Р.) сделаем несколько уточняющих замечаний. Это должно снять некоторые «нестыковки» и разночтения, возникающие при их сопоставлении между собой и с другими информационными источниками.

Во-первых, И. Васильев временем начала действий разведывательно-диверсионной группы называет 19.15, точнее, немного позднее этого срока, а В. Розин – 19.30. Очевидно, в последнем случае имеет место ошибка памяти.

Во-вторых, И. Васильев говорит об усилении спецгруппы захвата «Факел» из отряда КГБ «Зенит» «крепкими

1 Цит. по указ. книге Ю. И. Дроздова. – С. 54-55.

ребятами из спецназа ГРУ», а В. Розин – о «восьми офицерах-пограничниках и ВДВ». Принимая во внимание ряд других сообщений по данному поводу, точку зрения «Валерия Р.», на наш взгляд, следует считать более предпочтительной.

В-третьих, И. Васильев тремя ранеными советскими бойцами полагает «крепких молодых ребят из спецназа ГРУ» – сержанта «Юрия Д.» («автоматной очередью перебило кость и артерию в основании бедра»), сибиряков из Барнаула «Владимира С.» («получил автоматную очередь в живот») и «Бориса Б.» (был ранен в ногу, но «из боя не вышел»). Пожалуй, стоит высказать сомнения о том, что в «мусбате» спецназа ГРУ Генштаба служили, как это утверждает Игорь Васильев, бойцы-сибиряки со славянскими именами. В подтверждение этого сомнения Валерий Розин и указывает принадлежность, по крайней мере, одного из раненых к пограничникам.

В-четвёртых, И. Васильев и В. Розин вольно или невольно упускают некоторые существенные детали, касающиеся захвата здания генерального штаба вооружённых сил ДРА. Это в частности касается потерь афганской стороны, дальнейшей судьбы начальника ГШ ВС ДРА генерала Якуба и т.д. Используя другие источники информации, попытаемся прояснить возникшие в этом вопросе «белые пятна».

Прежде всего несколько слов о начальнике афганского генерального штаба генерале (генерал-майоре) Мухаммаде Якубе. По некоторым сведениям, во время этих событий ему с небольшой группой телохранителей и других высокопоставленных офицеров удалось забаррикадироваться в одной из штабных комнат или, точнее, в своей комнате отдыха. Отсюда по радиостанции он безрезультатно пытался вызвать на помощь особо доверенный 444-й полк «командос» или «444-ю бригаду», как писал об этом А.А. Ляховский, и другие афганские воинские формирования.

Относительно последовавших вслед за этим событий существуют две не сильно разнящихся между собой версии. Согласно первой из них, убедившись в том, что помощь к нему не придёт, а дальнейшее сопротивление бесполезно, ближе к полуночи начальник генштаба ДРА сдался на милость победителей. В соответствии с другой версией, генерал Мухаммад Якуб, который был явно просоветски настроенным афганским офицером, после того, как узнал, кто

является настоящим творцом осуществлённого в Кабуле государственного переворота, добровольно сдался в руки «советских товарищей». Но это не спасло ему жизнь: присутствующий в группе захвата афганец «В.», как его называет Валерий Розин, зачитал «предателю Якубу» смертный приговор и «от имени партии и народа» лично застрелил из пистолета бывшего начальника генерального штаба вооружённых сил ДРА.

Так «парчамистский» функционер Абдул Вакиль продолжил кровавый счёт внутривнутрипартийных разборок в НДПА, только на этот раз с небольшой поправкой на то, что это происходило под прикрытием советской стороны, оказывавшей помощь «патриотическим силам Афганистана».

В этой связи думается, что захват в плен живым сильным, волевого и авторитетного в армейских кругах «халькиста» генерала Мухаммада Якуба просто не входило в планы Бабрака Кармала и его «прогрессивно настроенных» сотоварищей по государственному перевороту.

Не устраивала их и просоветская ориентация бывшего начальника афганского генерального штаба. А об этой позиции Якуба говорили многие комитетчики, лично знавшие его, в том числе и В.А. Поддубный. Для заговорщиков-революционеров иметь потенциального конкурента или даже обвиняемого, которому ещё только следовало предъявить какие-либо мало-мальски обоснованные обвинения, было довольно хлопотно. А как уж там сговорился по этому поводу Бабрак Кармаль со своими высокопоставленными кураторами из КГБ-КПСС, это уже другой вопрос. Русская пословица гласит: «Лес рубят, щепки летят». Очевидно, в афганском переводе или, точнее, в практическом исполнении «дров наломали» и того более.

И ещё несколько слов о «задаче» Абдул Вакиля при захвате генерального штаба вооружённых сил ДРА, которая была известна только командиру советской разведывательно-диверсионной группы. Думается, что здесь, несомненно, чётко просматривается параллель с миссиями других вождей «парчамистской» оппозиции НДПА, которую им приходилось исполнять 27 декабря в Кабуле. Например, в том же дворце Тадж-Бек. В этой связи вполне обоснованным является предположение, что подобные «задачи» решались и на других

кабульских объектах. В конце концов, чем другим могли заниматься во время штурма дворца Х. Амина присутствовавшие в спецгруппах КГБ СССР «Гром» и «Зенит» афганцы Асадулло Сарвари и Саид Гулябзой? Правда, там, в Тадж-Беке, дело пошло немного по другому сценарию. Но об этом несколько дальше...

События, произошедшие в генеральном штабе вооружённых сил ДРА 27 декабря 1979 года, можно проиллюстрировать и словами фольклорной «афганской» песни «Нас не много и не мало». По этому поводу сразу заметим, что её анонимные авторы (автор) явно имели чёткие представления о сути происходивших тогда в Кабуле событий¹. Итак, перед нами этот песенный материал...

Нас не много и не мало, нас *пятнадцать человек*,
Все в одежде для *спецназа*, ладно скроенной навек.
Не в одежде только дело — лишь бы был здоровый дух:
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.

Заграница нас сплотила верной дружбой боевой,
С нею мы как братья стали *под кабульской звездой*.
Все готовы друг за друга — *мы не ходим меньше двух*:
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.

Мы не мыты и не бриты, ж... пылью заросли.
Мы мечтаем о корыте, про ханум мы видим сны.
И холмы под простынями, и в глазах огонь потух.
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.

Все пятнадцать — все с усами, только двое с бородой.
За афганцев нас не примешь даже скрытых под чадрой.
На *Зеленом* и на *Грязном* мы косим на молодух:
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.

Так ходили мы, куда *получили все приказ* -
Захватить Генштаб с Якубом, чтоб не вякал лишний раз.
Гэ-Сэ-эН на всё готова — разнесем всё в прах и пух:
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.

1 Для удобства читателя курсивом в тексте приводимой здесь песни выделены те фактические обстоятельства, которые представляют для нас определённый интерес.

*По вечернему Кабулу при потушенных огнях
Три машины легковые мчат «зенитовских» ребят.
Тормоза скрипят визгливо, русским матом режет слух:
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.*

*Захватили эту хату, как сказали, целиком.
Сорок пять минут держали, не струхнули под огнем.
Сам Якуб лежал смиренно, пол от крови не был сух:
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.*

*Пять министров, сотня пленных уцелели в том бою,
Остальные очутились с нашей помощью в раю.
Шурави всем показали — тем, кто был к советам глух:
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.*

*Наш спецназ работу кончил. Возвращаемся домой.
В этом солнечном Кабуле прощаемся с тобой.
Самолет рулит на взлете, рев турбин ласкает слух.
Мы теперь едим варенье, пусть амины ловят мух...*

В качестве уточнения добавим, что в тексте одного из вариантов этой песни поётся: «Нас не много и не мало, нас шестнадцать человек...» Очевидно, это более соответствует количеству бойцов спецгруппы отряда КГБ «Зенит» и других военнослужащих, задействованных при проведении данной акции. Ведь именно о таком числе разведчиков-диверсантов упоминал командир «Факела» офицер госбезопасности «Валерий Р». Относительно одежды «для спецназа, ладно скроенной навек», следует сказать следующее. Данное обстоятельство вполне могло сыграть роковую роль, так как советские десантники, прибывшие к зданию афганского генштаба, видели эту форму впервые. Ситуацию удалось разрешить, когда сами «зенитовцы» первыми вступили в контакт с бойцами советской крылатой пехоты. При этом выяснилось, что десантники не были предупреждены о начале действий в здании генштаба ВС ДРА советских разведчиков-диверсантов, пограничников, военных советников и офицеров ВДВ. Правда, здесь, как говорится, обошлось. Во всяком случае, об этом писал командир спецгруппы захвата КГБ СССР В.В. Розин.

Однако в том, что такой инструктаж отсутствовал, можно усомниться. Ведь в здании генерального штаба ВС ДРА тогда находились, как минимум, два высших советских офицера. Хотя в «зенитовской» песне и «вымпеловских публикациях можно почерпнуть информацию в основном о действиях бойцов группы спецназа КГБ. Относительно военных советников, десантников и пограничников здесь упоминается вскользь. Вместе с тем из фразы, обранённой командиром разведчиков-диверсантов «Валерием Р.», можно сделать предположение, что советскими силами захвата афганского генерального штаба руководил старший военный советник, который «значительное время был отрезан от группы из-за перестрелки с противником»¹. Это обстоятельство в определённой мере проливает свет на ту роль, которую играли старшие военные советники СССР в ДРА в случаях подключения их к действиям спецгрупп захвата (нейтрализации) на «подведомственных» объектах и с подсоветными им военно-служащими афганской армии.

В этой связи приведём запись из рабочего дневника бывшего советника в училище ВВС и ПВО ДРА полковника В.И. Аблазова, сделанную им через два дня после кабульского переворота: «Доходит информация о событиях 27.12.1979 года в других районах Кабула. В Министерстве обороны к начальнику Генштаба пришёл Костенко и представил ему командира десантной дивизии. В чае Якуба оказалось снотворное, которое начало действовать при приближении к часу «Ч». Заметив это, Костенко и командир дивизии ушли. А трое сопровождающих остались. Якуб почувствовал, что оставшиеся ведут себя не совсем как гости, и попытался уйти в смежную комнату, где у него была охрана. Это ему не удалось, он был ранен, один охранник убит, второй ранен, но выпрыгнул из окна. Потом всех сносили в подвал и проводили опознание. Якуба опознал нынешний министр финансов и лично добил его. Якуб в своё время лично уничтожил его семью. В кабинете Якуба обнаружили аппаратуру для прослушивания разговоров в рабочих кабинетах советников»².

1 Дроздов Ю. И. Указ соч. – С. 56.

2 Аблазов В.И. Указ. соч. – С. 141.

Конечно, это не информация из «первых уст», однако к 29 декабря 1979 года она ещё не успела обрасти «бородой». Поэтому данное сообщение В.И. Аблазова, учитывая его тогдашнее служебное положение и уровень информированности, как говорится, «имеет место быть». Очевидно, под «Костенко» В.И. Аблазов имеет в виду старшего коллектива советских военных советников, специалистов и переводчиков при генеральном штабе вооружённых сил (НВС) ДРА генерал-майора П.Г. Костенко. Исходя из этого, можно сделать довольно доказательное предположение, что именно на генерала Костенко было возложено общее руководство действиями сводных советских сил захвата афганского генштаба и «нейтрализации» его начальника Мухаммада Якуба.

В упомянутом ранее альманахе «Русские командос» за 1999 год имеется следующее свидетельство И. Васильева, участника этих событий из числа бывших «зенитовцев»: «В пункте сбора кратко и лаконично нам поставили задачу, познакомили с небольшой группой военных, обеспечивающих «легенду» проникновения в Генштаб»¹. Понятно, что для того, чтобы беспрепятственно приблизиться к генералу Якубу нужны были и военные советники, и офицеры вводимых в ДРА советских частей. При этом первые из них постоянно бывали в здании генерального штаба, к их виду охрана привыкла. А вторые – имели повод для «координации» действий сторон при вводе ОКСВА. Из чего вытекает, что не одни комитетчики захватывали и, тем более, обеспечивали контроль над столь важным стратегическим объектом, каковым, вне всяких сомнений, являлся генеральный штаб вооружённых сил (министерство обороны) ДРА.

И если даже гипотетически предположить, что десяток или два десятка «зенитовцев» смогли захватить здание афганского генштаба, то вряд ли бы они могли его удержать. Допустить, что такими силами можно обеспечить охрану и оборону данного объекта в течение какого-либо значительного времени, просто невозможно: рядом с генштабом находились весьма значительные силы армии и полиции ДРА. В этой связи тогда возникает вполне резонный вопрос: зачем подразделения советских воздушно-десантных

1 «Русские командос». – 1999, №1. С. 45-46.

войск прибывали к тому же генштабу, когда все вопросы осуществления государственного переворота без того были решены бойцами спецназа КГБ?..

Предоставим слово бывшему командующему российских ВДВ генерал-полковнику Георгию Ивановичу Шпаку. А он в февральском за 2004 год номере журнала «Солдаты России» утверждал буквально следующее: «Второй раз попал в Афганистан в декабре 1979 года. К тому времени уже полтора года командовал 350-м парашютно-десантным полком. С одним из батальонов моего полка я *участвовал в захвате Генерального штаба афганской армии* (курсив. – В.К.). Тогда впервые в моей жизни по мне вёлся огонь – и это чувство я не могу забыть до сих пор. Какое-то смешанное состояние страха и восторга»¹.

Это мнение весьма авторитетного в армии генерала дополняет бывший военный журналист Александр Александрович Колотило: «В 1980 году в Афганистане я был старшим лейтенантом, ответственным секретарём редакции газеты 103-й воздушно-десантной дивизии «Гвардеец»... Коротко остановлюсь на захвате других объектов, о чём сделал записи 28 декабря. 350-й парашютно-десантный полк, 7-я рота, исполняющий обязанности командира роты гвардии старший лейтенант Александр Козюков. Задача – участие в блокировании здания афганского генерального штаба, оказание помощи группе «Альфа» (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) в захвате и зачистке объекта с последующим его удержанием (курсив. – В.К.).

Совершив марш, 7-я парашютно-десантная рота подошла к зданию генерального штаба. В нём уже находился командир 103-й воздушно-десантной дивизии гвардии генерал-майор Иван Фёдорович Рябченко с тремя офицерами – братьями гвардии старшим лейтенантом Вячеславом Лаговским и гвардии лейтенантом Павлом Лаговским, а также с советником начальника генштаба Афганистана. Комдив представился афганскому военному руководству как командир полка, личный состав которого немедленно готов убыть на усиление границы. А потом сразу же группа «Альфа» совместно с десантниками начала захват.

1 Шпак Г.И. Тогда я был командиром 350-го. – «Солдаты России», февраль 2004. № 2. С. 2-3.

По подошедшей роте Козюкова из располагавшегося напротив генштаба здания министерства общественных работ вели огонь из гранатомётов и стрелкового оружия, а из-за здания – из миномётов. Первым оказался у захватываемого объекта действовавший в разведке взвод гвардии старшего лейтенанта Александра Куиша. Огнём из трёх боевых машин десанта подчинённые Александра не давали афганцам выпрыгивать из окон. Техник роты гвардии прапорщик Сергей Новицкий мастерски проделал бронёй проход в ограждении, через который на территорию генштаба вошла техника для его блокирования. Александр Козюков ворвался в здание, когда в нём уже шла перестрелка и среди «альфовцев» имелись раненые. Задачу десантники выполнили»¹.

Очевидно, только с этими дополнениями и поправками можно в общих чертах представить картину захвата генерального штаба вооружённых сил (министерства обороны) ДРА. Теперь несколько слов о тех, кто «очутился с нашей помощью в раю». Или кого «опознавали в подвале». Суммируя и сопоставляя различные сведения по данному вопросу, можно предположить, что в ходе захвата здания генштаба ВС ДРА погибли до 10 афганских военнослужащих, «оказавших сопротивление». А в плен были захвачены более ста офицеров и солдат и четыре члена «высшего проаминовского руководства Афганистана». Правда, в «зенитовской» песне пелось о «пяти министрах». Но, очевидно, у авторов данного текста были определённые затруднения с рифмой (ритмикой), из которых они вышли не без ущерба для исторической правды.

Таким образом, захват генерального штаба ВС ДРА способствовал лишению управления и устранению от участия в противодействии государственному перевороту в Афганистане частей кабульского гарнизона.

5. Кабульские радио и телевизионный центр

Объект захвата, который обозначен в заголовке настоящей главы как «Кабульские радио и телевизионный центр», в некоторых источниках назывался «телецентр», в других –

1 Колотило А.А В перерывах между боями выпускали «Гвардеец». – «Солдаты России», февраль 2004. №2. С. 4.

«Радио Афганистана», в третьих – «кабульские радио и телевидение» или просто – «радиотелецентр». Возможно, что под этим понималось и «министерство связи и информации». Во всяком случае, здесь очевидна ведомственная подчинённость данного объекта указанному ранее органу государственного управления. Сгруппировав и проведя анализ различных сведений, прямо или косвенно связанных с захватом этого важнейшего «информационного» объекта в Кабуле, можно представить следующую картину событий, произошедших здесь 27 декабря 1979 года...

По одним данным, для охраны и обороны радио и телевизионного центра афганской столицы были выделены одиннадцать танков, четыре боевых машины пехоты и порядка 200 солдат и офицеров вооружённых сил ДРА. Однако в книге «ОСНАЗ – войска особого назначения» полковник госбезопасности А.Т. Рябинин, руководивший здесь «зенитовцами», писал по этому поводу несколько иначе: «Объект охраняло воинское подразделение численностью 45 человек и танковая рота – 8 танков типа Т-85»¹. Правда, на следующей странице А.Т. Рябинин дал другую информацию, что два афганских танка стояли во дворе объекта, а восемь – «на открытом поле позади объекта и до казармы, в которой находились танкисты». Как ранее сообщалось, численность танковой роты составляет или 10 машин в танковом полку, или 13 – в танковом батальоне мотострелкового полка. В связи с указанным типом танка (Т-85) также следует высказать сомнения: скорее всего, здесь были машины Т-54.

Так как ранее был оговорён принцип минимизации при подсчёте сил афганской обороны, остановимся на том, что в составе сил охраны кабульского телерадиоцентра было не менее 10 танков и четыре боевые машины пехоты. Относительно числа афганских военнослужащих, сосредоточенных на этом объекте, можно уверенно предположить, что их с учётом танковых экипажей было порядка 150 человек. Кроме этого на зданиях телерадиоцентра были оборудованы две пулемётные огневые точки.

¹ Цит. по книге В.В. Воронова «ОСНАЗ – войска особого назначения». – М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 118.

На этом объекте также пыталась укрыться значительная часть министров правительственного кабинета Хафизулы Амина с адъютантами и телохранителями, что несколько увеличивало силы обороны. Впрочем, брать их во внимание как дополнительную часть сил охраны, зная дальнейшее развитие событий, не будем. Сам этот объект представлял собой комплекс зданий, огороженных по периметру забором. В зданиях имелись помещения административно-хозяйственного и технологического назначения (аппаратные, студийные и технические комнаты афганских радио и телевидения). Здесь также располагались казармы для военнослужащих охраны этого объекта.

Для захвата кабульского радио и телевизионного центра выделялись разведывательная рота из состава 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка и девять разведчиков-диверсантов из отряда спецназа КГБ «Зенит». Об этом и о том, что командира разведывательно-диверсионной группы звали «Александром Р.» в своих мемуарах писал генерал-майор госбезопасности Ю.И. Дроздов. Теперь не вызывает сомнений, что под этим «псевдонимом» был «зашифрован» офицер «Зенита» Александр Рябинин. В последующем А.Т. Рябинин назовёт и имена чекистов, помогавших ему в организации и проведении боевых (специальных) действий на кабульском телерадиоцентре. Ими были В.Н. Гузенко, В.И. Пономаренко, А.И. Абрамян, В.И. Гаврюшев, В.В. Осипов, А.А. Волгин, а также офицер-таджик «товарищ Н.» Очевидно, читатель обратил внимание, что А.Т. Рябинин назвал имена только семи комитетчиков, к чему следует присовокупить и самого рассказчика, а генерал-майор Ю.И. Дроздов говорил о девяти разведчиках-диверсантах. Здесь можно допустить, что данное разночтение возникло по причине либо умышленного молчания о фамилии одного из офицеров госбезопасности, либо в силу ошибки памяти.

За двое суток до произошедшего захвата объекта соответствующие задачи были поставлены перед командиром роты десантников. В своих последующих воспоминаниях полковник А.Т. Рябинин говорил фактически о «полуроте» ВДВ, которую возглавлял исполняющий обязанности командира гвардии старший лейтенант А.В. Попов (ныне – заместитель командующего российских ВДВ, генерал-майор), «призванный содействовать (*курсив. – В.К.*) выполнению

этой боевой задачи»¹. В подготовительный период, как сообщал об этом А.Т. Рябинин, силы захвата удалось дополнительно вооружить четырьмя пулемётами РПД (скорее, РПК, ПК или их десантными аналогами.), а каждого четвёртого десантника обеспечить ручным противотанковым гранатомётом «Муха».

От афганской оппозиции к данной группе прикреплялся активный участник двух прежних кабульских государственных переворотов, один из ближайших сподвижников убитого главы Афганистана Н.М. Тараки, бывший министр обороны ДРА и офицер-танкист Мохаммад Аслан Ватанджар. Как следует из тестов воспоминаний бывших «зенитовцев» и их руководителей, «товарищ Ватанджар» был «придан» разведчикам-диверсантам. В отношении подразделения советских ВДВ в этих публикациях употребляется такое их обозначение, как «рота поддержки». Особо не останавливаясь на этих весьма сомнительных определениях («придан», «рота поддержки», «призван содействовать», а не выполнять и т.д.), о чём несколько ранее уже была речь, обратимся к динамике происходивших событий.

Изучение расположения и подступов к данному объекту, а также системы охраны и обороны кабульского радио и телевизионного центра силами спецназа КГБ СССР проводилось заблаговременно. Очевидно, предварительная разведка велась ещё первым составом «Зенита», начиная с лета 1979 года. Доразведка данного объекта захвата велась силами разведывательно-диверсионной группы под командованием А.Т. Рябинина, который, разбив спецназовцев на двойки и тройки, организовал изучение схемы расположения постов охраны, мест нахождения афганской бронетехники и казарм личного состава. При этом сам командир боевой группы «Зенита» как «инженер по автоматике» дважды побывал на самом объекте. Здесь он уточнил места расположения студий радио и телевидения, их коммуникационных сетей и энергетического снабжения (основного и запасного), внутренних постов и помещений для отдыха охраны (отдельно для членов экипажей танков, БМП и другого личного состава).

1 Там же. – С. 119.

Тогда же А.Т. Рябинину с командиром подразделения ВДВ и подчинёнными ему командирами взводов удалось провести рекогносцировку местности. Офицеры-десантники были переодеты в гражданскую одежду и совместно с «зенитовцами» в составе групп по два-три человека с различных сторон обошли подступы к данному объекту. На подготовительном этапе операции разработали два варианта последующих действий. Первый вариант состоял в том, чтобы, действуя на боевой технике, сходу ворваться в радиотелецентр, нейтрализовать часовых, блокировать охрану и захватить афганские танки и другие бронеобъекты, уничтожить противника, оказывающего сопротивление. Согласно второму варианту, часть десантников должна была заблаговременно выдвинуться в пешем порядке к радиотелецентру, «снять» часовых, блокировать расположения экипажей танков и БМП. А вторая часть нападавших, действуя на боевой технике, врывается бы в афганское расположение и оказывала огневую поддержку действиям своих товарищей. В конечном итоге было принято решение на действия «сходу», то есть по первому варианту.

Как в последующем вспоминал полковник А.Т. Рябинин: «27 декабря 1979 года в 18.00 мы с А.В. Поповым были вызваны к генералу Магометову. Там я впервые выслушал боевой приказ и расписался за него»¹. Тогда командиру разведроты 345-го гв. опдп гвардии старшему лейтенанту А.В. Попову и командовавшему спецгруппой «зенитовцев» А.Т. Рябинину было уточнено время начала операции. По одним данным, оно определялось подрывом линий афганской связи, то есть 19.15, согласно другим источникам, оно было назначено на 19.30. В соответствии с полученным приказом разведывательная рота (2 БМП, 2 БМД и 1 БТР) с девятью спецназовцами Комитета госбезопасности должна была «атаковать объект, захватить его и оборонять в случае нужды, а затем организовать его охрану». Таким образом, судя по формулировке основной цели действий этого смешанного формирования, выполнялась задача, вполне свойственная для тактики воздушно-десантных войск, а именно, – «захват объекта в тылу противника». О проведении *диверсий* на кабульском радио и телевизионном центре в боевом приказе речи не шло.

¹ Там же. – С. 120.

Заняв исходные позиции в «семи минутах езды» боевых машин до объекта, разведрота 345-го гв. опдп с «зенитовцами» изготовилась к бою. В 19.08 (или в 19.23) командир роты подал команду на начало движения колонны бронетехники. Боевые машины, набрав требуемую скорость, сбили ворота объекта и ворвались в расположение кабульского телерадиоцентра. Десантники высыпали из БМП, БМД и БТР, расстреляли часовых и приступили к выполнению намеченных перед ними целей. В ходе скоротечного боя, как писал об этом генерал-майор Ю.И. Дроздов, длившегося около 40 минут, из противотанковых гранатомётов «Муха» были уничтожены три афганских танка и одна боевая машина пехоты, а также семь военнослужащих охраны объекта, оказавших сопротивление нападавшей стороне. Впрочем, сам А.Т. Рябинин писал только об одном подбитом танке.

Большого кровопролития удалось избежать благодаря присутствию в составе группы захвата афганского офицера-танкиста Мохаммада Аслана Ватанджара. Первоначально взятым в плен членам афганских танковых экипажей М.А. Ватанджар разъяснил, что в Кабуле произошёл государственный переворот, в ходе которого Х. Амин уничтожен, что к власти в ДРА пришли «здоровые патриотические силы», которые гарантируют безопасность сдавшимся в плен бойцам охраны телерадиоцентра. В дальнейшем эти «распропагандированные» пленные танкисты были отправлены для разъяснительной работы к своим товарищам. В свою очередь оставшиеся силы охраны и обороны кабульского радио и телецентра предпочли сдаться на милость победителей.

Советская сторона потерь не имела. Лишь один десантник получил ранения в ноги и своевременно был эвакуирован для оказания дальнейшей медицинской помощи в госпиталь, развёрнутый на базе поликлиники советского посольства. Всего на этом объекте было захвачено в плен 106 афганских военнослужащих, из которых 29 получили ранения. Здесь же были задержаны 17 министров из правительственного кабинета Хафизуллы Амина, которые в последующем охранялись советскими разведчиками-десантниками и бойцами из состава спецотряда КГБ «Зенит». Впрочем, вполне возможно, что приведённые здесь цифры убитых, раненых и захваченных в плен афганцев несколько завышены. К тому же есть

определённые сомнения в захвате такого количества министров кабинета Х. Амина: по некоторым другим сведениям, эти высшие афганские чиновники сами прибыли в телерадиоцентр после соответствующего объявления об этом по кабульскому радио¹.

В этой связи, пожалуй, стоит привести совершенно противоположное мнение генерала КГБ Л.П. Богданова: «Ватанджар, допустим, брал телецентр. Без единого выстрела: на охране его же бывшие солдаты, которые тут же с ним побратались»². Вот так... Оказывается, что телерадиоцентр без всякого боя «брал Ватанджар». Трудно, конечно, комментировать это суждение...

Информация к размышления

Из личного дела

генерал-майора госбезопасности
Леонида Богданова

В 1971 году был заместителем начальника отдела Ближнего и Среднего Востока ПГУ (внешней разведки) Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР (время первой поездки в Афганистан). Был резидентом КГБ в Индонезии и Иране. После Саурской (Апрельской) революции прибыл в ДРА в представительство КГБ СССР при премьер-министре Афганистана. Был главным советником СССР при создаваемых органах государственной безопасности ДРА, полковником. Почти сразу после событий 27 декабря ему было присвоено генеральское звание. Уехал из Афганистана в апреле 1980 года.

После захвата расположения кабульского радио и телевизионного центра под контролем советской стороны были организованы передачи в эфир с обращениями «нового афганского руководства». Тексты этих обращений, судя по ряду источников информации, были предварительно записаны на

1 Гай Д., Снегирёв В. Указ. соч. – С. 57.

2 Цит. по статье А. Хинштейна «Тайны афганской лубянки». – «Московский комсомолец». – 2002, 29 марта.

плёнку ещё во время нахождения Бабрака Кармаля и его со-товарищей в расположении советских войск на авиабазе Баграм. Как описывал эти события полковник А.Т. Рябинин: «Захватив объект и заняв круговую оборону, мы обнаружили, что жизнь в обоих зданиях протекала своим чередом: шли передачи, выступали дикторши, а узнав о случившемся, сразу же собрались на стихийно возникший в большом зале центра митинг. Все приветствовали происшедший переворот с нескрываемым энтузиазмом»¹.

Теперь разобравшись с динамикой происходивших событий, ещё раз попытаемся разобраться в вопросе, какая задача была поставлена смешанному советскому отряду десантников и спецназовцев, действовавшему на этом объекте. А она была следующей: захватить радио и телевизионный центр с наименьшими потерями с обеих сторон, обеспечить его оборону, а также охрану пленных афганских военнослужащих и персонала объекта, организовать и проконтролировать выход в эфир обращений «нового афганского правительства». Исходя из этой цели, следует понимать, что основную задачу, то есть захват и удержание в своих руках радио и телевизионного центра, можно было выполнить только, используя возможности техники, вооружения и личного состава разведывательной роты 345-го гв. опдп, но никак не силы девяти (восьми) пеших разведчиков-диверсантов «Зенита».

При условии выполнения указанной ранее первичной (боевой) задачи наступала возможность для достижения других (специальных) целей. А именно: не допустить выхода в эфир действующего афганского руководства и обеспечить радио и телетрансляции обращений к народу «правительства» Бабрака Кармаля. Никаких *диверсий* на данном объекте захвата осуществлять не намечалось и не было совершено. Исходя из этого, утверждать, что кабульский радио и телевизионный центр был захвачен девятью (восьмью) бойцами из состава отряда спецназа КГБ «Зенит», как это делается во множестве публикаций, неправомерно.

1 Цит. по указ. книге В.В. Воронова. С. 122.

6. Министерство внутренних дел ДРА (царандой)

Картина захвата здания министерства внутренних дел ДРА (царандоя) и «нейтрализации» сопротивления 350 афганских солдат и офицеров, исходя из текста мемуаров генерал-майора госбезопасности Ю.И. Дроздова, выглядела следующим образом. В операции участвовали 14 разведчиков-диверсантов из отряда «Зенит» и «два взвода поддержки ВДВ», которые в течение часа на открытых грузовых автомашинах добирались до здания афганского МВД. Охрана царандоя была изготовлена к отражению штурма. Из здания МВД ДРА по нападавшей стороне вёлся огонь. В ходе перестрелки с охраной первого и второго этажей погиб офицер «Зенита» «Анатолий М.» (речь идёт об Анатолие Муранове). Однако было принято решение на захват, который начался сразу после неожиданного и одновременного залпа по обороняющимся из семи ручных противотанковых гранатомётов «Муха». Воспользовавшись замешательством со стороны охраны, группа захвата совершила бросок от контрольно-пропускного пункта к зданию центрального офиса МВД ДРА. В течение следующих пятнадцати минут к 19.30 советскими десантниками и спецназовцами КГБ были заняты остальные этажи здания министерства внутренних дел Афганистана, сопротивление противника прекратилось.

И всё-таки, очевидно, что не так просто всё складывалась на этом объекте государственного переворота 27 декабря 1979 года. И, судя по ряду других источников информации, несколько по-иному разворачивалась диорама событий, связанных с овладением центральным офисом царандоя. Здесь следует добавить, что руководил группой отряда «Зенит», нацеленной на реализацию частной операции по взятию под советский контроль здания царандоя офицер госбезопасности Ю.В. Мельник. Относительно состава советской группы захвата следует добавить, что она состояла не только из десантников и «зенитовцев». Здесь также действовали офицеры КГБ Евгений Чудеснов и Александр

Лопанов из отряда «Гром» (группа специального назначения КГБ СССР «А»), которые обеспечивали охрану оппозиционного функционера НДПА Нур Ахмат Нура (секретарь ЦК партии).

Ведь «прикреплённый» решением «подпольного политбюро» своей партии к проведению акции по министерству внутренних дел ДРА Н.А. Нур должен был действовать совместно с советскими десантниками и чекистами. При этом ему отводилась роль представителя «нового демократического руководства Афганистана», который, с одной стороны, уведомлял защитников министерства о совершённом государственном перевороте и физической ликвидации Х. Амина, а со стороны другой, давал им гарантии личной безопасности в случае сдачи оружия. Вполне вероятно, что в кармане Нура лежало и несколько «смертельных приговоров» для аминовских «последышей», которые он должен был лично привести в исполнение. Во всяком случае, как об этом сообщалось ранее, именно так действовал при захвате афганского генерального штаба его коллега из «Парчам» Абдул Вакиль, собственноручно расправившийся с «предателем Якубом». Впрочем, прямых доказательств подобной деятельности Нур Ахмат Нура в хотя взятия под советский контроль центрального офиса Царандоя нет, есть только косвенные подтверждения этого. Но об этом несколько позже.

Офицер госбезопасности из спецотряда КГБ СССР «Гром» Евгений Чудеснов впоследствии об этом вспоминал: «При штурме Царандоя нам поставили задачу охранять Нур Ахмат Нура, который собирался призвать защитников министерства сдаться. Примерно в 18-18.30 к вилле «Зенита» подъехали три грузовика. В кузовах сидели солдаты и несколько бойцов «Зенита». Нура посадили в кабину, Александр Лопанов и я сели по бокам. Едем по Кабулу. Мирный город, снуют афганцы, повсюду жарятся шашлыки. До сих пор помню удивительный запах тех шашлыков. А мы едем на войну. Все три машины остановились у светофора. Он несколько раз переключился, можно двигаться, а мы стоим, ждём. Наконец двинулись. У здания МВД снова остановились, тут солдаты и «зенитовцы» выскочили из машин. Нуру дали мегафон и он стал призывать сдать оружие, кричал, что пришла законная власть. Из окон министерства ответили автоматным огнём»¹.

1 Цит. по указ. книге М.Е. Болтунова. – С. 66.

Как можно понять из слов «громовца» Е. Чудеснова, миссия «политкомиссара» Н.А. Нура в начале проведения акции по взятию под советский контроль центрального офиса МВД ДРА провалилась. Ведь из «министерства ответили автоматным огнём». Тем не менее представляется очевидным, что заявление представителя «нового руководства Афганистана», прибывшего в сопровождении советских военнослужащих, возымело определённое психическое воздействие на политико-моральное состояние защитников царандоя. А иначе и быть не могло.

Вместе с этим давайте обратимся к такому любопытному источнику информации о событиях 27 декабря 1979 года в Кабуле, как самодеятельное песенное творчество бойцов спецотряда КГБ «Зенит». Сразу заметим, что здесь обнаружится ряд интересных совпадений с мнением генерала Ю.И. Дроздова и некоторые новые обстоятельства захвата этого объекта. Итак, предоставляем вниманию читателя довольно значительный фрагмент «зенитовской» песни того времени «Афганистан насквозь промок от слёз». А посвящена она именно захвату министерства внутренних дел ДРА¹.

*...Нам дан приказ идти на Царандой,
Назначены и время, и задачи.
Объект нам надо взять любой ценой
И продержаться до прихода наших.*

Решили мы, что рвемся в жаркий бой,
Не зная, что и враг уж наготове, -
Гудит от нетерпенья, словно рой,
Готов пролить он море русской крови.

Нам наплевать, что нет у нас тылов,
Что за спиной лишь трусы-генералы,
Не будем мы в бою менять штанов,
В бою не будем допускать провалов.

¹ В тексте песни курсивом выделены фактические обстоятельства, которые могут иметь прямое отношение к тем или иным событиям данной акции.

На *трех машинах* мы летим вперед
Навстречу славе, а быть может, смерти,
И пусть *соотношенье один к трём* -
Мы будем драться до конца как черти.

Машины наши, мы и не темним -
Открыты всем, нам нечего бояться,
Что нас увидят — поняли они,
В войну мы не намерены играть.

Вот *вдоль решетки тянутся стволы,*
Направлены для встречи автоматы.
Торчат они сквозь прутья, как кресты,
Как видно, наступает час расплаты.

А наш расчёт — он до предела прост:
Бей первым сам, иначе будешь битым.
Мы впереди не ожидаем роз:
Мгновенный штурм — и будет враг разбитым.

Бросок вперед — и занят *вестибюль,*
Гранаты рвутся и свистят осколки.
Они стреляют, не жалея пуль,
Оскалившись, как бешеные волки.

Этаж второй, а там же на пути
*Аминовский последыш Политурка*¹.
Он предал нас, приказ у нас один —
Стрелять его, предателя, как урку.

¹ *Политурка (обиход.)* — политический урка (преступник), хотя в некоторых текстах под этим подразумевалось имя собственное, что следует понимать неправильным.

Бросок направо — лупим «*Мухой*» в дверь,
В покои генерала *Али-Шаха*,
А чтоб верней добить нам эту цель -
Туда летит еще одна граната.

Кусает «Муха» сразу полстены,
Но генерал — предвидеть было надо -
Махнул в окно, забыв надеть штаны,
И почесал к Амину для доклада.

Все получилось — выполнен приказ.
И слава тем, кто залил мрамор кровью,
Кто предпочёл погибнуть среди нас,
А не бежать домой, прикрывшись корью...

Как ранее сообщалось, в ходе захвата центрального офиса афганской полиции или милиции, как её ещё называли в обиходе, погиб офицер спецгруппы КГБ «Зенит» Анатолий Муранов. Точных сведений о потерях афганской стороны в ходе проведения этой акции нет. Впрочем, относительно того, что эти потери были, особых сомнений не имеется. Очевидно, печальной была и дальнейшая участь «предавшего нас аминовского последыша политурки (Политурки)», в отношении которого был чёткий приказ — «стрелять его предателя, как урку». Вопрос состоит только в том, кто приводил в исполнение этот приказ.

Впрочем, не хотелось, чтобы у читателя создалось впечатление относительно кровожадности советских спецназовцев и десантников, принимавших участие в кабульских событиях 27 декабря. Но на войне чаще всего правым оказывается тот, кто первым успевает нажать на спусковой крючок автомата. Как известно, войны начинают не военные люди, хотя по полной программе расплачиваться за это приходится именно им. Русский солдат, воспитанный на высоких нравственных традициях из боевого прошлого предков, всегда, как только есть у него таковая возможность, проявит к поверженному противнику сострадание и милосердие.

Несомненно, такие примеры были и в ходе описываемых нами трагических событий декабря 1979 года. В этой связи предоставим ещё раз слово бывшему бойцу отряда КГБ «Гром» офицеру госбезопасности Евгению Чудеснову: «Мы стояли перед зданием Царандоя, до главного входа метров 15–20. Но с верхних этажей огонь усиливался, летели гранаты, и потому решили не испытывать судьбу. Прикрывая собой Нура, двинулись к входу, приходилось отстреливаться из пулемёта. Здесь я получил контузию. Из носа и ушей пошла кровь, на некоторое время потерял ориентацию, а когда очнулся, вижу: окружающие открывают рот, что-то говорят, но не слышу, что именно. Хотя разбираться в своём состоянии, признаться, времени не было. Ворвались в здание, определили Нура в один из кабинетов, дали ему охрану и бросились помогать нашим ребятам.

А бой переместился уже на верхние этажи. Помню, услышал крик, страшный такой, душераздирающий. Бегом туда. Оказывается, ранен в ноги совсем молодой афганец, защитник министерства. Перевязал его, а только что я бинтовал плечо десантнику, такому же мальчишке. Он всё рвался в бой, пришлось даже прикрикнуть, назвать своё воинское звание, чтобы слегка охладил пыл»¹.

Вряд ли это «признание» спецназовца Евгения Чудеснова, лично оказывавшего первую медицинскую помощь своим недавним противникам, понравится британскому специалисту в области диверсионных операций Стиву Крофорду. Ведь автор книги «Спецназ в бою» ставил перед собой цель доказать особую жестокость и беспощадность «российского спецназа» вообще и в ходе осуществления государственного переворота в Кабуле в частности. В своих воспоминаниях Е. Чудеснов также упоминает о смерти бойцов спецгруппы «Гром» Геннадия Зудова и Дмитрия Волкова, павших при штурме дворца Тадж-Бек. О чём Чудеснов узнал после посещения на следующий день вместе с Н.М. Нуром узла связи.

Таким образом, подведём некоторые итоги данного раздела нашего повествования:

¹ Цит. по указ. книге М.Е. Болтунова. – С. 71.

1. Взятие штурмом советского спецназа 27 декабря 1979 года дворца Тадж-Бек явилось центральным, но не единственным событием этого государственного переворота в Кабуле. Его успешное проведение находилось в прямой зависимости от «воздействия» на другие объекты (захвата, диверсий, нейтрализации). В данной спецоперации мелочей не было: все ставившиеся задачи были взаимосвязаны и направлены на достижение общей цели. Успешная реализация этих задач позволила избежать больших потерь.

2. В перечне наиболее важных объектов «воздействия» государственного переворота 27 декабря 1979 года были генштаб ВС (министерство обороны) ДРА, линии кабульской связи, управление и штаб центрального армейского корпуса, комплекс зданий кабульского телерадиоцентра, министерство внутренних дел ДРА (царандой), расположение службы государственной безопасности (КАМ), центральный телеграф, почта и (или) министерство связи и информации ДРА, штаб ВВС и ПВО, тюрьма для содержания политических заключённых в районе Пули-Чархи, а также другие цели.

3. В решение боевых (специальных) задач по объектам «второго плана» государственного переворота в Кабуле принимали участие военнослужащие 103-й гв. влд и 345-го гв. опдп, бойцы спецформирований КГБ СССР «Зенит» и «Гром», другие сотрудники госбезопасности, а также военные советники, советники СССР по линиям КГБ и МВД, личный состав внештатной пограничной роты, охранявшей советское посольство в ДРА.

4. Личный состав 154-го отдельного отряда специального назначения («мусульманский» батальон) ГРУ Генштаба ВС СССР в решении боевых (специальных) задач на объектах «второго плана» государственного переворота 27 декабря 1979 года участия не принимал и был полностью задействован при штурме дворца Х. Амина.

5. Проведение диверсии на кабульских линиях гражданской (городской и междугородней) и военной (правительственной) связи, проведённое бойцами спецгруппы отряда КГБ СССР «Зенит», послужило общим сигналом для начала осуществления советскими силами нападения государственного переворота в ДРА.

6. Участие афганских оппозиционеров в осуществлении советскими десантниками, спецназовцами КГБ и военными советниками захватов ряда объектов «второго плана» свидетельствует о том, что им отводилась роль представителей «нового руководства ДРА», которые в частности были нацелены на исполнение смертных приговоров отдельным лидерам правительства Х. Амина.